

В.В. Васильев

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И КАБИНЕТНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Васильев Вадим Валерьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежной философии философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: kafedra-izf@yandex.ru

В статье полемически рассматриваются идеи, высказанные И.Ф. Михайловым в статье «Предметы и методы эмпирических теорий сознания», и обсуждаются проблемы, связанные с возможностью неэмпирического, или неэкспериментального, изучения сознания. Соглашаясь в целом с выводами статьи И.Ф. Михайлова относительно его предложений по улучшению дел в эмпирических теориях сознания, а именно с тем, что такие теории могут выиграть от наличия в них вычислительного уровня с реальным моделирующим потенциалом, с тем, что положения подобных теорий будут иметь вероятностный характер и т.п., автор оспаривает некоторые моменты его интерпретаций ряда современных работ, посвященных критериям успешных эмпирических теорий, в частности интерпретацию критерия компрессированности, сформулированного в одной из недавних статей академика К.В. Анохина, и толкование И.Ф. Михайловым анохинского параметра «как». В статье также показано, что один из ключевых критериев эмпирических теорий, выдвигаемый И.Ф. Михайловым, а именно критерий фальсифицируемости, требует осторожного отношения и нуждается в уточнении, предполагающем его трансформацию в понятие слабой прямой верифицируемости, поскольку в ином случае может оказаться, что фальсифицируемыми являются любые тезисы. Утверждается, что спекулятивными теориями сознания можно считать теории, содержащие прямо не верифицируемые положения. При этом в статье доказывается, что неэкспериментальные теории сознания не обязаны быть спекулятивными. Создатели кабинетных теорий такого рода могут уточнять онтологический статус сознания концептуальным анализом фундаментальных положений «народной онтологии».

Ключевые слова: И.Ф. Михайлов, К.В. Анохин, эмпирические теории сознания, кабинетные теории сознания, народная онтология

Для цитирования: Васильев В.В. Эмпирические исследования и кабинетная философия сознания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 2. С. 110–121.

Вопрос о месте философии в широком научном поле исследований сознания не утрачивает своей актуальности, особенно для философов, и в этой статье я рассмотрю некоторые из его аспектов. Сначала я выскажу некоторые соображения о статье И.Ф. Михайлова «Предметы и методы эмпирических исследований сознания»¹, которая является отправной точкой дискуссии на страницах «Философского журнала», а затем перейду к обсуждению центрального вопроса этой дискуссии «Может ли сознание быть исчерпывающе исследовано методами эмпирических наук?». Я постараюсь в общем виде обосновать отрицательный ответ на этот вопрос и на конкретном примере проиллюстрирую свою позицию.

1

В статье И.Ф. Михайлова сделан акцент на эмпирических исследованиях сознания, а не на их альтернативах. Тем не менее она содержит указания на особенности подобных альтернатив, к которым можно будет вернуться после обсуждения ее главных идей. Если предположить, что главные идеи текстов суммируются в их выводах, то эти идеи в данном случае вызывают желание по большей части согласиться с ними. В заключении своей статьи И.Ф. Михайлов утверждает, что современным эмпирическим исследованиям сознания пока не удалось добиться успехов в сопоставлении феноменальных данных (совокупность которых нередко называют сознанием) и данных нейронаук, что это объясняется неразработанностью моделей, которые могли бы функционировать как посредники между указанными уровнями (подобные модели Михайлов сравнивает с кантовскими схемами воображения, опосредующими понятия и чувственные данные), и что сами такие модели могли бы иметь вычислительный (в широком понимании) и вероятностный характер².

В перечне этих тезисов наибольшие вопросы, на мой взгляд, вызывает первый, причем по разным причинам. Во-первых, из него, как и из статьи в целом, можно заключить, что эмпирические исследования сознания так или иначе связаны с поисками их физиологических основ. Но разве нельзя изучать сознание, внутренний мир, без подобных отсылок, устанавливая корреляции между различными феноменальными данностями? Этим давно занималась эмпирическая психология, и едва ли можно сказать, что безуспешно. К примеру, еще в XVIII в. Д. Юм зафиксировал факторы, приводящие к возникновению таких сложных эмоций, как гордость³, а И.Н. Тетенс экспериментально установил абсолютную и относительную длительность остаточных образов в различных чувственных модальностях⁴.

Да и психофизиология могла похвастаться большими достижениями уже в XIX в. И с тех пор знания в этих областях лишь возрастали. Достижения психологов очевидны, но они велики и в психофизиологии. Уже сейчас

¹ Михайлов И.Ф. Предметы и методы эмпирических исследований сознания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 2. С. 92–109.

² Там же.

³ Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 328–346.

⁴ Тетенс И.Н. Философские опыты о человеческой природе и ее развитии. Т. 1. Опыт первый: О природе представлений // Историко-философский альманах. Вып. 7. М., 2022. С. 81.

мы многое знаем о корреляции феноменального и физического, знаем, где локализованы моторные, языковые, рациональные способности и т.п.

Конечно, И.Ф. Михайлов мог бы сказать, что речь в его статье идет не о психофизиологии вообще, а о той ее области, где ведется поиск нейронных коррелятов сознания как такового. Под сознанием в специальной литературе в наши дни обычно понимают либо субъективные феноменальные данности, квалиа, либо состояние, возникающее, когда люди пробуждаются от глубокого сна без сновидений. Сознание в этом втором – близком к обыденному – смысле можно сравнить с лучом света, открывающим субъекту множество разнообразных предметов. С подачи Н. Блока такое сознание принято называть «сознанием доступа»⁵. Данное именование объясняется тем, что осознаваемые в подобном модусе объекты оказываются доступными различным подсистемам человеческого организма: о них можно сказать, учесть их характеристики при планировании поведения, эмоционально отреагировать и т.п.

Так вот, в исследовании нейронных основ сознания доступа за последние десятилетия тоже был значительный прогресс. Особенно впечатляющие результаты получила группа ученых под руководством С. Деана⁶. И хотя они пользовались вычислительными моделями, значимость этих моделей в получении ими многих конкретных результатов едва ли велика.

Остается предположить, что, говоря об отсутствии успехов в поисках нейронных коррелятов сознания, И.Ф. Михайлов имеет в виду не сознание доступа, а сознание в смысле совокупности субъективных данностей, которое вслед за Н. Блоком многие называют «феноменальным сознанием». И вот при такой интерпретации с И.Ф. Михайловым действительно хочется согласиться, правда, при обязательной оговорке, что речь идет не о нейронных коррелятах конкретных групп феноменальных данностей (тут многое уже сделано и многое уже известно), а о нейронных основах феноменальности как таковой.

В вопросе о поисках нейронных основ феноменальности дело и правда обстоит далеко не так оптимистично, как в других упомянутых выше областях. Впрочем, И.Ф. Михайлов акцентирует внимание читателей на одной из теорий, а именно на теории «активного вывода», которая при определенных усовершенствованиях, детали которых он тоже рассматривает, может, с его точки зрения, успешно объяснить феноменальность. Логика соответствующего объяснения такова, что феноменальность, или квалиативность, рассматривается как некое промежуточное звено между сырыми данными на входе таких, к примеру, материальных систем, как человеческие организмы, и их высокоуровневыми когнитивными механизмами. Согласно этим представлениям, квалиа – это как бы дайджесты низкоуровневых систем для высокоуровневых когнитивных механизмов. И можно согласиться, что экономичность органических систем требует наличия таких дайджестов.

Дайджестианские объяснения квалиа, или феноменальности, сталкиваются, однако, с одной непростой проблемой, которую можно назвать проблемой альтернативной реализации. О подобных проблемах писал Д. Чалмерс и многие другие авторы. Суть в том, что, даже если нам удастся

⁵ Block N. On a Confusion about a Function of Consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. P. 227–247.

⁶ См., например: Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли. М., 2018.

показать 1) необходимость некоего среднего промежуточного уровня в определенном роде материальных когнитивных системах, а также то, что 2) квалиа фактически занимают соответствующее место в известных нам когнитивных системах такого рода, мы не имеем права говорить, что получили объяснение квалиа, пока мы не покажем, почему их роль не могла бы исполняться другими, нефеноменальными механизмами. Данное требование можно назвать требованием исключения нефеноменальных механизмов.

Это требование можно было бы попробовать ослабить с помощью аналогии. Представим, что мы рассматриваем автомобильный двигатель нового поколения и обнаруживаем в нем непонятный агрегат желтого цвета. В старых двигателях такого не было, но, изучив вопрос, мы убеждаемся, что этот агрегат полезен и делает работу двигателя более эффективной. Мы, таким образом, объяснили его функциональную роль. А если кто-то скажет, что наши объяснения его наличия в двигателе неполны, так как данная роль могла бы быть реализована иначе, к примеру, не окрашенным агрегатом, и что для полноты объяснения мы должны были бы ответить на вопрос, почему он окрашен, мы скажем, что этот вопрос нерелевантен для наших целей, хотя в принципе, конечно, и доступен для решения.

Проблема, однако, в том, что в случае феноменального сознания такое возражение не проходит. Ведь здесь нас интересует именно феноменальная окраска определенных функциональных компонентов нашей когнитивной системы. Поэтому признание, что этой окраски могло бы и не быть при той же функциональной роли означает, что объяснение функциональной роли феноменального сознания не объясняет его феноменальности.

В общем, любая концепция, претендующая на роль работоспособной эмпирической теории нейронных основ феноменального сознания, должна содержать объяснение того, почему выделяемые ей нейронные механизмы не могли бы справляться со своими задачами без присутствия феноменального. Ведь трудно отрицать, что отсутствие феноменального при наличии таких механизмов по крайней мере мыслимо или даже наглядно представимо. Конечно, сама по себе представимость еще не говорит о реальной возможности. Мы можем отчетливо представить людей, летающих, как птицы, без искусственных приспособлений и в условиях их обычного существования на Земле. Но такие полеты противоречат законам природы. Законам природы может противоречить и отсутствие феноменального при наличии определенных нейронных механизмов. Но эти законы надо еще выявить и артикулировать.

И.Ф. Михайлов в своей статье, кстати, не только не обходит стороной вопрос о критериях работоспособности эмпирических теорий сознания, но и уделяет ему много места. Он не только высказывает собственные соображения на этот счет, но и делает обзор двух недавних статей – К.В. Анохина⁷ и А. Дерига, А. Шургера и М. Херцога⁸ – и как раз на эту тему. Один из критериев во второй из этих статей на первый взгляд сходен с разбираемым критерием наличия доводов в пользу исключения альтернативных нефеноменальных механизмов. Авторы называют его «аргументом развертывания».

⁷ Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.

⁸ Doerig A., Schurger A., Herzog M.H. Hard Criteria for Empirical Theories of Consciousness // Cognitive Neuroscience. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 1–22. DOI: 10.1080/17588928.2020.1772214.

Суть его в том, что, опираясь на сугубо математические выкладки, можно показать, что функционально идентичные материальные системы могут иметь разную каузальную структуру. В одних из них, к примеру, могут быть рекуррентные нейронные сети, в других – нейронные сети с прямой связью. Это интересно, потому что некоторые влиятельные теории сознания объясняют его именно отсылками к рекуррентным механизмам. Но если петли этих механизмов можно «развернуть» (отсюда название аргумента) при сохранении функциональной идентичности материальной системы, то авторы таких теорий оказываются в трудной ситуации. Они не могут говорить, что при таком развертывании сознание сохранится, ведь они считают, что «рекуррентная система сознательна, а система с прямой связью – нет». Но если они скажут, что сознание исчезнет, то они признают, что о наличии сознания нельзя судить по внешним объективным признакам, что, как формулируют авторы статьи, выведет их теории «за пределы науки»⁹. В общем, эмпирические теории сознания должны как-то избегать аргумента развертывания, и одним из критериев их успешности является то, насколько эффективно они делают это. Так считают авторы упомянутой статьи. Не спорит с этим и И.Ф. Михайлов.

Но, на мой взгляд, критерий развертывания выглядит очень сомнительно. Ведь в нем предполагается, что теоретики нейронных основ сознания нацелены на отыскание его необходимых условий. Однако это не так. Они смотрят на конкретные организмы и пытаются понять, какие физические процессы в них порождают сознание. То есть речь идет о достаточных условиях. А достаточные условия не исключают альтернатив. Иначе говоря, если у людей сознание появляется при наличии определенных рекуррентных сетей в мозге, то из этого не следует, что оно не появлялось бы при наличии каких-то других сетей. Теоретики сознания напоминают в своих поисках химиков, которые пытаются установить химический состав какого-то вещества. Они проводят анализ и находят его компоненты. Значимость этого химического анализа не умаляется тем, что так же выглядящее вещество могло бы состоять из других компонентов.

Так что критерий, связанный с аргументом развертывания, не работает. И предложенный выше критерий наличия доводов в пользу исключения альтернативных нефеноменальных механизмов имеет другую природу. Он требует демонстрации именно достаточности обсуждаемых в соответствующей теории схем для порождения феноменального сознания. В статье К.В. Анохина с этим критерием можно увязать его требование, согласно которому в эмпирических теориях сознания должен быть указан «способ сцепления» «нейроанатомических структур» с «субъективным содержанием состояния сознания»¹⁰.

К.В. Анохин предъявляет и другие требования к эмпирическим теориям сознания. Они должны отвечать на вопрос о функциях сознания, о том, «как сознание формируется в эволюции», «как оно созревает в ходе эмбриогенеза», как оно «развивается в процессе обучения» и каково его устройство¹¹. Такие теории должны быть «компрессированными», т.е. выводить максимальное количество разнообразных следствий при минимальном количестве

⁹ Ibid. P. 7.

¹⁰ Анохин К.В. Когнитом. С. 45.

¹¹ Там же. С. 51.

предпосылок и укладывать обсуждаемые темы в матрицу «кто», «что», «где» и «когда».

Резонные критерии эмпирических теорий сознания перечисляются и в статье Дерига, Шургера и Херцога. Они пишут в этой связи о нацеленности теории на парадигмальные случаи сознания, о наличии у нее ресурсов для решения проблемы малых и больших сетей (теория должна объяснять, почему сознание не будет возникать в миниатюрных материальных системах и почему в больших системах не будет множества сознающих подсистем, а будет некое единство сознания: здесь предполагается абсурдность альтернатив) и о способность ответа на вопрос, какие еще системы, помимо людей, будут сознательными.

Изложение статьи Дерига, Шургера и Херцога И.Ф. Михайловым не вызывает у меня почти никаких вопросов. Разве что при обсуждении им их последнего критерия «других систем», на мой взгляд, несколько затемняется то обстоятельство, что под «другими системами» авторы понимают материальные системы, которые нельзя назвать людьми. Гораздо больше возражений вызывает трактовка И.Ф. Михайловым идей К.В. Анохина. В частности, при рассмотрении предлагаемой Анохиным матрицы «кто», «что», «где», «когда» Михайлов интерпретирует «кто» исключительно как носителя сознания, тогда как для Анохина «кто» должен выступать и в качестве его источника¹². Этим «кто» должен, по Анохину, в конечном счете оказываться «когнитом» – цельная функциональная надстройка, возвышающаяся над биологическими механизмами мозга и генерирующая вместе с ними состояния сознания, или «что» сознания. При характеристике «что», кстати, И.Ф. Михайлов делает акцент на интегральной природе такого рода состояний. Анохин действительно говорит об интегрированности¹³, но главным в «что» является для него качественный аспект, субъективная феноменальность чуждости сознания¹⁴. В интерпретации же Михайлова «что» сближается с анохинскими «когда» и «где», описывающими переход феноменальности в состояние сознания доступа и биологические и функциональные основы сознания.

Хочется поспорить и с интерпретацией И.Ф. Михайловым общеметодологических требований, предъявляемых К.В. Анохиным к эмпирическим теориям сознания. Анохин говорит, что подобная теория должна иметь достаточно большой кругозор и вместе с тем быть компактной. Под кругозором такой теории понимается то, что она должна «объяснять и предсказывать как можно большее количество явлений», связанных с сознанием в модусах его феноменальной данности, поведенческих проявлений и нейронных основ¹⁵. Компактность же – это не что иное, как простота теории. Два этих требования Анохин объединяет в одно – требование «компрессии», или компрессированности теории¹⁶. И.Ф. Михайлов же трактует компрессированность так, что она оставляет за своими рамками требование кругозора.

Обсуждая детали предлагаемых К.В. Анохиным критериев, И.Ф. Михайлов обращает внимание на то, что Анохин не говорит о критерии

¹² Там же. С. 56, 59.

¹³ Там же. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 43–44.

¹⁵ Там же. С. 52.

¹⁶ Там же. С. 53.

фальсифицируемости идеальной эмпирической теории сознания. Хотя можно попробовать доказать, что данный критерий неявно присутствует в его требовании кругозора, трудно отрицать, что этот критерий в рассматриваемой статье Анохина действительно четко не артикулирован. Михайлов же считает его принципиальным и много рассуждает в своей статье о фальсифицируемости эмпирических теорий сознания. Судя по всему, именно этот критерий, с его точки зрения, позволяет провести границу между эмпирическими и спекулятивными теориями сознания.

Эти соображения могут быть хорошим поводом обратиться к принципиальному вопросу о возможности неэмпирического, т.е. неэкспериментального, исследования сознания.

2

Отсылка к фальсифицируемости как методу разграничения научных и спекулятивных теорий может показаться хорошим решением. Фальсифицируемость кажется более надежным критерием, чем давно дискредитированная верифицируемость. Конечно, после трудов Т. Куна и И. Лакатоса всем стало очевидно, что фактическая фальсификация теории еще не должна означать ее краха, но ведь спекулятивные теории в принципе нефальсифицируемы.

Проблема, однако, в том, что фальсифицируемость тесно связана с верифицируемостью. Упомянутая выше дискредитация верифицируемости состояла из двух эпизодов. Сначала стала ясна неработоспособность понятия сильной верифицируемости, т.е. признания верифицируемыми утверждений, логически выводимых из положений наблюдения, описывающих чувственные данные. А затем – И. Берлиным и А. Черчем в середине XX в. – была показана также и бесплодность понятия слабой верифицируемости, согласно которой верифицируемыми оказываются утверждения, прямо или косвенно предсказывающие какие-то факты, при условии, что эти факты нельзя предсказать без этих утверждений. Берлин и Черч показывали, что при подобной дефиниции верифицируемым может быть любое утверждение. Изначальная интуиция Берлина состояла в том, что если допустить, что S имплицирует положение наблюдения O , то хотя O невыводимо из S имплицирует O , но оно выводимо из S и S имплицирует O . Поскольку из S выводимо положение наблюдения, не выводимое без S , S должно быть верифицируемым. Но S произвольное положение. А. Айер, отстаивавший слабую верификацию, сумел отбить нападки Берлина путем дополнительного различения прямой и косвенной верифицируемости, но Черч показал, что этого недостаточно, а уже в XXI в. С. Сомс придал его соображениям характер строгой теоремы¹⁷.

Все это имеет непосредственное отношение к критерию фальсифицируемости, так как фальсифицируемость мало чем отличается от слабой верифицируемости. Ведь фальсифицируемая, так же как и слабо верифицируемая, теория предсказывает факты, не предсказуемые без нее и могущие оказаться

¹⁷ См.: Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. I: The Dawn of Analysis*. Princeton, 2003. P. 282–291.

не имеющими место. И если любое утверждение может быть слабо верифицируемым, то любое утверждение может быть фальсифицируемым.

Все это, впрочем, не означает, что критерии верифицируемости и фальсифицируемости вообще непригодны для использования. Ведь теорема Сомса в действительности показывает лишь то, что любое утверждение гарантированно может интерпретироваться всего лишь в качестве косвенно верифицируемого¹⁸. Если не вдаваться в технические детали, то можно сказать, что эталоном косвенной верифицируемости являются абстрактные теоретические положения. Но указанная теорема не показывает и не может показать, что любое положение может быть исключительно прямо верифицируемым. Прямо верифицируемыми являются положения, максимально приближенные к положениям наблюдения. В этих пределах принцип верификации – а значит, и принцип фальсификации – могут работать. Соответственно, развивая соображения, высказанные И.Ф. Михайловым, можно сказать, что спекулятивными теориями сознания можно считать такие теории, которые содержат прямо не верифицируемые утверждения.

Примером такого прямо не верифицируемого утверждения является тезис об онтологическом тождестве феноменальных сознательных состояний и физических процессов в мозге. В отличие от привычных тезисов о тождестве физических объектов, этот тезис не предсказывает ничего, что не предсказывал бы тезис о жесткой корреляции феноменального и физического, хотя корреляция очевидным образом отличается от нумерического тождества. Любопытно при этом, что этот физикалистский тезис явно или неявно разделяют многие из тех, кто называет себя адептами эмпирических теорий сознания. На самом деле они зачастую отстаивают по-настоящему спекулятивные теории. И это, конечно, запутывает всю картину.

Впрочем, перспективы отделения эмпирических теорий от спекулятивных элементов выглядят, на мой взгляд, вполне оптимистичными. И это цель, к которой стоит стремиться. Но означает ли оправданность борьбы со спекулятивными элементами теорий то, что неэмпирические исследования сознания вообще должны быть объявлены вне закона?

3

Правомерность изгнания неэмпирических, или, точнее, неэкспериментальных, элементов из теорий сознания («эмпирическое» – слишком широкий термин, и все человеческое познание связано с опытом) подразумевала бы, что неэкспериментальные исследования сознания с неизбежностью сводятся к продуцированию спекулятивных утверждений. Но это не так.

Представим в обобщенном схематичном виде рутинную работу экспериментального исследователя сознания. Он знает множество феноменальных и физических фактов А, В, С... N, и он высказывает предположение, что наличие физических фактов EF будет сопровождаться феноменальными фактами М. Это новая гипотеза, и далее он проверяет ее.

Между тем до этой экспериментальной проверки он мог бы проверить еще и то, не содержатся ли в его констатациях перечисленных фактов явных или неявных противоречий. Если противоречия есть, то, поскольку

¹⁸ Ibid. P. 289.

из противоречия следует все что угодно, любое наблюдение можно будет интерпретировать как подтверждение и как опровержение выдвинутой гипотезы. И это полностью обесценит соответствующую гипотезу. Указанная проверка имеет логический характер. И для ее осуществления не нужно проводить никаких экспериментов. Надо лишь проанализировать имеющиеся данные. Хотя нетрудно вспомнить случаи, когда философы выявляли логические проблемы в основаниях научных теорий, как это сделал, к примеру, Б. Рассел, обычно экспериментальные ученые сами справляются с проверкой на непротиворечивость совокупности положений, составляющих их теорию.

Системы утверждений, так или иначе структурирующих человеческие представления о мире, существуют, однако, не только в форме экспериментальных теорий. Такие системы утверждений и связанных с ними убеждений называют мировоззрениями. В мировоззрениях могут содержаться самые разные элементы, но для нас сейчас особый интерес представляют фундаментальные убеждения людей, имеющие, по-видимому, эволюционное происхождение. К их числу можно отнести уверенность людей в том, что в мире не происходит ничего беспричинного, что сам мир не сводится к совокупности их ощущений, а существует сам по себе за их пределами, что другие люди обладают сознаниями и т.п. Совокупность подобных фундаментальных убеждений можно назвать «народной онтологией» по аналогии с более частными «народной психологией», «народной физикой» и т.п. И здесь возникает вопрос о логической когерентности народной онтологии. Решение этого вопроса предполагает кабинетную концептуальную работу такого рода, какой обычно занимаются философы.

Подобная работа может иметь значимость и для исследований сознания – просто потому, что убеждение в существовании сознаний у других людей относится к числу фундаментальных естественных убеждений, и поэтому можно предположить, что прояснение вопроса о когерентности фундаментальных убеждений, предполагающее прояснение соотношения этих убеждений, позволит в той или иной степени уточнить онтологический статус сознания, как он видится или должен видеться людьми, следующими этим естественным убеждениям.

Сам я уже не раз в деталях показывал, к каким результатам может приводить подобный анализ¹⁹, и сейчас в иллюстративных целях просто намечу его контуры. С одной стороны, можно показать, что вера в существование феноменальных сознаний у других людей предполагает убеждение в каузальной действенности сознаний, в возможности влияния сознательных состояний на протекание физических процессов в мозге и, соответственно, на поведение. С другой стороны, анализ истоков веры людей в отсутствие беспричинных событий показывает, что они должны быть убеждены, что поведение может иметь только физические причины. Угрозу противоречия этих убеждений можно устранить истолкованием феноменальных состояний как условий реализации физической причинности. Эти условия можно сравнить с физическими константами, определяющими специфику протекания физических процессов. При такой интерпретации человеческое поведение будет иметь исключительно физические причины, но феноменальные

¹⁹ См., например: *Васильев В.В.* Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М., 2014.

состояния сохраняют каузальную значимость, так как от них будет зависеть форма физических каузальных рядов, составляющих те или иные конкретные поведенческие эпизоды. Иначе говоря, от них будет зависеть, что, к примеру, физическое событие D будет вызываться физическим событием A, а не физическим событием B. Разумеется онтологический статус феноменальных условий нуждается в дальнейших уточнениях (в частности, важно понять, супервентны ли феноменальные состояния на физических), но уже из сказанного понятно, что такой метод может реально помогать в уточнении онтологического статуса сознания. При этом он не является экспериментальным и не предполагает каких-либо неверифицируемых допущений.

Непредвзято взглянув на вопрос, мы увидим, как трудно оспаривать правомерность таких кабинетных исследований. Трудно отрицать наличие у людей фундаментальных убеждений, подобных описанным выше. Трудно отрицать, что они могут как-то соотноситься друг с другом и что их соотношения неочевидны. И трудно отрицать, что, хотя эти соотношения можно изучать экспериментально, их можно исследовать и априори. Причем априорные исследования могут быть более эффективными. Ситуацию можно сравнить с изучением пространственных соотношений. Вывод теоремы Пифагора можно приблизительно извлечь из эмпирических измерений, но проще доказать его априори. На подобные результаты может претендовать и изучение базовой структуры человеческих убеждений. Одним словом, экспериментальные методы не исчерпывают продуктивных методов исследования сознания. Они могут дополняться концептуальными методами кабинетной философии.

Список литературы

- Анохин К.В.* Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
- Васильев В.В.* Сознание и вещи: Очерк феноменилистической онтологии. М.: ЛИБРОКОМ, 2014.
- Деан С.* Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / Пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2018.
- Михайлов И.Ф.* Предметы и методы эмпирических исследований сознания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 2. С. 92–109.
- Тетенс И.Н.* Философские опыты о человеческой природе и ее развитии. Т. 1. Опыт первый: О природе представлений / Пер. с нем. В.В. Васильева // Историко-философский альманах. Вып. 7. М.: Изд. Воробьев А.В., 2022. С. 66–145.
- Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. С.И. Церетели и др. М.: Мысль, 1996.
- Bloch N.* On a Confusion about a Function of Consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. P. 227–247.
- Doerig A., Schurger A., Herzog M.H.* Hard Criteria for Empirical Theories of Consciousness // Cognitive Neuroscience. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 1–22. DOI: 10.1080/17588928.2020.1772214.
- Soames S.* Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. I: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2003.

Empirical studies and armchair philosophy of consciousness

Vadim V. Vasilyev

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, 119991, Russian Federation; e-mail: kafedra-izf@yandex.ru

In this paper I examine the ideas expressed by Igor Mikhailov in his paper “Subjects and Methods of Empirical Theories of Consciousness” and discuss some problems associated with the possibility of non – empirical or non – experimental study of consciousness. While generally agreeing with the conclusions of Mikhailov’s paper regarding his proposals for improving matters in empirical theories of consciousness, namely, that such theories can benefit from the presence in them of a computational level with real modeling potential, with the fact that theses of such theories will have a probabilistic nature, and so on, I dispute some aspects of his interpretations of two contemporary works on criteria of successful empirical theories, in particular his interpretation of the compression criterion, articulated in a recent paper by Konstantin Anokhin, and his interpretation of the Anokhin’s parameter “how”. In the article I also show that one of the key criteria of empirical theories put forward by Igor Mikhailov, namely the criterion of falsifiability, requires careful attention and needs to be clarified, that leads to its transformation into the concept of weak direct verifiability, because otherwise it may turn out that all theses are falsifiable. I claim that speculative theories of consciousness can be defined as theories that contain directly unverifiable propositions. At the same time, I argue that non – experimental theories of consciousness do not have to be speculative. The creators of armchair theories of the right kind can clarify the ontological status of consciousness by conceptual analysis of the fundamental attitudes of human “folk ontology”.

Keywords: Igor Mikhailov, Konstantin Anokhin, empirical theories of consciousness, armchair theories of consciousness, folk ontology

For citation: Vasilyev, V.V. “Empiricheskie issledovaniya i kabinetnaya filosofiya soznaniya” [Empirical studies and armchair philosophy of consciousness], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 2, pp. 110–121. (In Russian)

References

- Anokhin, K.V. “Kognitom: v poiskakh fundamental’noi neironauchnoi teorii soznaniya” [Cognitome: In Search of Fundamental Neuroscience Theory of Consciousness], *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel’nosti*, 2021, Vol. 71, No. 1, pp. 39–71. (In Russian)
- Block, N. “On a Confusion about a Function of Consciousness”, *Behavioral and Brain Sciences*, 1995, Vol. 18, pp. 227–247.
- Dehaene, S. *Soznanie i mozg. Kak mozg kodiruet myсли* [Consciousness and the Brain: Deciphering How the Brain Codes Our Thoughts], trans. by I. Yushchenko. Moscow: Kar’era Press, 2018. (In Russian)
- Doerig, A., Schurger, A. & Herzog, M.H. “Hard Criteria for Empirical Theories of Consciousness”, *Cognitive Neuroscience*, 2021, Vol. 12, No. 2, pp. 1–22, DOI: 10.1080/17588928.2020.1772214.
- Hume, D. *Sochineniya* [Works], Vol. 1, trans. by S.I. Tsereteli et al. Moscow: Mysl’ Publ., 1994. (In Russian)
- Mikhailov, I.F. “Predmety i metody empiricheskikh issledovaniy soznaniya” [Subjects and Methods of Empirical Studies of Consciousness], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 2, pp. 92–109. (In Russian)
- Soames, S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century, Vol. I: The Dawn of Analysis*. Princeton: Princeton University Press, 2003.

- Tetens, J.N. “Filosofskie opyty o chelovecheskoi prirode i ee razvitii. Tom 1. Opyt pervyi: O prirode predstavlenii” [Philosophical Essays on Human Nature and Its Development, Vol. 1, Essay One: On the Nature of Representations], trans. by V.V. Vasilyev, *Istoriko-filosoofskii al'manakh*, Vol. 7. Moscow: Vorob'ev A.V. Publ., 2022, pp. 66–145. (In Russian)
- Vasilyev, V.V. *Soznanie i veshchi: Ocherk fenomenalisticheskoi ontologii* [Things and Consciousness: Essay on Phenomenological Ontology]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2014. (In Russian)